
Зигмунд Фрейд
1856–1939

| Основатель психоанализа

Зигмунд Фрейд — знаменитый ученый, основатель психоанализа. Его новаторские идеи оказали огромное влияние на психологию и всю западную цивилизацию XX века. Среди крупнейших достижений: обоснование понятия «бессознательное», разработка теории эдипова комплекса, создание метода свободных ассоциаций и методики толкования сновидений.

1856 — Зигмунд Фрейд родился в чешском городе Фрайберг в семье небогатого торговца.

1859 — После разорения семья переехала в Лейпциг, позднее — в Вену. Зигмунд был способным ребенком, он поступил в гимназию на год раньше срока.

1873 — Зигмунд Фрейд принят на медицинский факультет Венского университета.

1876 — Написал свою первую научную работу в Институте зоологических исследований Триеста.

1881 — Получил научную степень доктора. После этого начал работать в Венской городской больнице.

1885—1886 — Стажировался в Париже у известного врача-психиатра Жана Шарко, где занимался исследованием гипноза.

1886 — Фрейд вернулся в Вену, занялся частной практикой и женился на Марте Берней. В их семье родилось шестеро детей.

1895 — Опубликована совместная книга Зигмунда Фрейда и его коллеги Йозефа Брейера «Исследование истерии». Позже эту публикацию назвали «днем рождения психоанализа».

1899 — Фрейд закончил работу над «Толкованием сновидений». Его идеи начали приобретать популярность. В последующие десятилетия он написал множество книг и статей.

1938 — Из-за гонений на евреев Фрейд был вынужден переехать в Англию.

1939 — После нескольких лет борьбы с мучительной болезнью Зигмунд Фрейд скончался, приняв морфий.

| Предисловие

«**П**сихопатология обыденной жизни» — второе крупное исследование Зигмунда Фрейда, завершённое им в 1901 году и опубликованное в 1904-м. Книга 11 раз переиздавалась при жизни автора и неоднократно выходила в различных издательствах в наше время. Эта работа по сей день не утратила своей актуальности, она включена в список ключевых книг по психоанализу.

Книга составлена из эссе, большая часть которых появлялась в периодической печати, неизменно вызывая бурную реакцию как специалистов, так и читающей публики. Само название содержит провокационное сочетание слов: «психопатология» и «обыденная жизнь». Зигмунд Фрейд одним из первых стер грань между нормой и отклонением. «Мы все более или менее невротичны», — писал он.

Фрейд утверждал, что ошибки, совершаемые человеком в речи и действиях (оговорки, описки, забывание слов, утеря вещей, ошибочно совершенные поступки), — это показатель неосознанных желаний. По его предположению, исследуя подобные действия, можно проникнуть в тайны бессознательного, разобраться в скрытых внутренних конфликтах и стремлениях человека, которые были подавлены.

Доказывая свою теорию, Фрейд приводит многочисленные примеры из собственной жизни и жизни своих друзей и близких. Он не обращается к случаям из своей врачебной практики, подчеркивая тем самым, что это книга об обычных людях, а не о пациентах психиатра.

Фундаментальное понятие этой научной работы — бессознательное: область, в которую вы-

тесняются все подавляемые влечения и желания и которая не поддается контролю сознания. Несоознаваемые мотивы могут не только осложнять человеку жизнь, но нередко становятся причиной невротических расстройств, поэтому Фрейд предложил работать с ними, используя различные методики психоанализа.

Представленный в данном издании перевод «Психопатологии обыденной жизни» был выполнен В. Медемом в начале XX века. Его первая публикация состоялась еще при жизни Зигмунда Фрейда и с его разрешения.

Психопатология обыденной жизни¹

Теперь весь воздух чарами кишит,
И этих чар никто не избежит.

*И. В. Гёте «Фауст»
(II часть, V акт)*

I. Забывание собственных имен

В 1898 г. я поместил в «Ежемесячнике психиатрии и неврологии» небольшую статью «К вопросу о психическом механизме забывчивости». Содержание этой статьи послужит исходной точкой настоящего изложения. В ней на примере, взятом из моей собственной жизни, я подверг психологическому анализу чрезвычайно распространенное явление — временное забывание собственных имен — и пришел к тому выводу, что этот весьма обыкновенный и не особо важный с практической точки зрения вид расстройства одной из психических функций (способности припоминания) допускает объяснение, выходящее далеко за пределы обычных взглядов.

Психолог, которому будет поставлен вопрос, чем объясняется эта столь часто наблюдаемая неспособность припомнить знакомое имя, ограничится скорее всего простым указанием на то, что собственные имена вообще способны легче ускользать из памяти,

---

¹ «Zur Psychopathologie des Alltagslebens», 1904, пер. В. Медема под ред. С. В. Черно.

нежели всякий другой элемент нашего психического содержания. Он приведет ряд более или менее правдоподобных предположений, обосновывающих эту своеобразную особенность собственных имен. Но мысль о существовании иной причинной зависимости будет ему чужда.

Для меня лично поводом для более внимательного изучения данного феномена послужили некоторые частности, встречавшиеся если и не всегда, то все же в некоторых случаях обнаружившиеся с достаточной ясностью. Это было именно в тех случаях, когда наряду с *позабыванием* наблюдалось и *неверное припоминание*. Субъекту, силящемуся вспомнить ускользнувшее из его памяти имя, приходят в голову иные, *подставные*, имена, и если эти имена и опознаются сразу же как неверные, то они все же упорно возвращаются вновь с величайшей навязчивостью. Весь процесс, который должен вести к воспроизведению искомого имени, претерпевает как бы некоторый сдвиг и приводит к своего рода подмене.

Наблюдая это явление, я исхожу из того, что сдвиг этот отнюдь не является актом психического произвола, что он, напротив, совершается в закономерных и поддающихся научному учету рамках. Иными словами, я предполагаю, что «подставное» имя или имена стоят в известной, могущей быть вскрытой связи с искомым словом, и думаю, что если бы эту связь удалось обнаружить, этим самым был бы пролит свет и на сам феномен забывания имен. В том примере, на котором я построил свой анализ в указанной выше статье, было забыто имя художника, написавшего известные фрески в соборе итальянского городка Орвието. Вместо искомого имени — Синьорелли — мне упорно приходили в голову два других — Боттичелли и Больтраффио. Эти два подставных имени я тотчас же отбросил как неверные, а когда мне было названо настоящее имя, я не задумываясь признал его. Я попытался установить, благодаря каким влияниям

и путем каких ассоциаций воспроизведение этого имени претерпело подобного рода сдвиг (Боттичелли и Больтраффио вместо Синьорелли), и пришел к следующим результатам.

а) Причину того, почему имя Синьорелли ускользнуло из моей памяти, не следует искать ни в особенностях этого имени самого по себе, ни в психологическом характере той комбинации, в которой оно должно было фигурировать. Само по себе имя это было мне известно не хуже, чем одно из подставных имен (Боттичелли) и несравненно лучше, нежели второе подставное имя — Больтраффио. Об этом последнем я не знал почти ничего, разве лишь то, что этот художник принадлежал к миланской школе. Что же касается контекста, в котором находилось данное имя, то он носил ничего не значащий характер и не давал никаких нитей для выяснения вопроса: мы ехали верхами с одним чужим для меня господином из Рагузы (в Далмации) в Герцеговину; мы заговорили о путешествиях по Италии, и я спросил моего спутника, был ли он уже в Орвието и видел ли знаменитые фрески... NN.

б) Объяснить исчезновение из моей памяти этого имени мне удалось лишь после того, как я восстановил тему, непосредственно предшествовавшую данному разговору. И тогда весь феномен предстал предо мной, как процесс *вторжения* этой предшествовавшей темы в тему дальнейшего разговора и *нарушения* этой последней. Непосредственно перед тем как спросить моего спутника, был ли он уже в Орвието, я беседовал с ним о нравах и обычаях турок, живущих в Боснии и Герцеговине. Я рассказал со слов одного моего коллеги, практиковавшего в их среде, о том, с каким глубоким доверием они относятся к врачу и с какой покорностью преклоняются пред судьбой. Когда общаешь им, что больной безнадежен, они отвечают: «Господин, о чем тут говорить? Я знаю, что если бы его можно было спасти, ты бы спас его». Здесь, в этом

разговоре, мы уже встречаем такие слова и имена — Босния и Герцеговина (*Herzegovina*), господин (*Herr*), — которые поддаются включению в ассоциативную цепь, связывающую между собою имена *Signorelli* (*signor* — господин), Боттичелли и Больтраффио.

в) Я полагаю, что мысль о нравах боснийских турок оказалась способной нарушить течение следующей мысли благодаря тому, что я отвлек от нее свое внимание прежде, чем додумал ее до конца. Дело в том, что я хотел было рассказать моему собеседнику еще один случай, связанный в моей памяти с первым. Боснийские турки ценят выше всего на свете половое наслаждение и в случаях заболеваний, делающих его невозможным, впадают в отчаяние, резко контрастирующее с их фаталистическим равнодушием

« *Бессознательные мысли находят себе выражение необычным путем, посредством внешних ассоциаций, в форме модификации других мыслей* »

к смерти. Один из пациентов моего коллеги сказал ему однажды: «Ты знаешь, господин (*Herr*), если лишиться этого, то жизнь теряет всякую цену». Я удержался от сообщения об этой характерной черте, не желая касаться в разговоре с чужим человеком несколько щекотливой темы. Но я сделал при этом еще нечто большее: я отклонил свое внимание и от дальнейшего развития тех мыслей, которые готовы были у меня возникнуть в связи с темой «смерть и сексуальность». Я находился в то время под впечатлением известия, полученного несколькими неделями раньше, во время моего пребывания в местечке *Trafoi*: один из моих пациентов, на лечение которого я потратил много труда, покончил с собой вследствие неисцелимой половой болезни. Я точно знаю, что во время моей поездки в Герцеговину это печальное известие и все то, что было с ним связано, не всплывало в моем сознании. Но совпадение звуков *Trafoi* — *Boltraffio* заставляет меня предположить, что в этот момент, не-

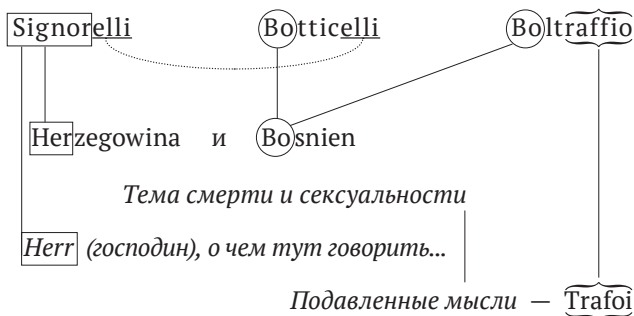

смотря на то, что я намеренно направил свое внимание в другую сторону, данное воспоминание все же оказало свое действие.

г) После всего сказанного я уже не могу рассматривать исчезновение из моей памяти имени Синьорелли как простую случайность. Я должен признать здесь наличность известного мотива. Имелись известные мотивы, побудившие меня прервать рассказ о нравах турок; они же побудили меня отгородить от моего сознания связанные с этим рассказом мысли, ассоциировавшиеся в свою очередь с известием, полученным мною в *Trafoi*. Я хотел таким образом нечто позабыть и вытеснил это нечто из памяти. Конечно, я хотел позабыть не имя художника из Орвието, а нечто другое, но этому другому удалось ассоциативно связаться с этим именем; так что мой волевой акт попал мимо цели, и в то время, как намеренно я хотел забыть одну вещь, невольно я забыл другую. Нежелание вспомнить направлялось против одного; неспособность вспомнить обнаружилась на другом. Конечно, проще было бы, если бы и нежелание, и неспособность сказались на одном и том же объекте. С этой точки зрения подставные имена представляются мне уже не столь произвольными. Они создают известного рода компромисс: напоминают и о том, что я хотел вспомнить, и о том, что я позабыл: они показывают таким образом, что мое намерение позабыть нечто не увенчалось ни полным успехом, ни полной неудачей.

д) Весьма очевидна та связь, которая установилась между искомым именем и вытесненной темой «смерть и сексуальность». Имена *Босния*, *Герцеговина* и *Trafoi* относятся к ней же. Предлагаемая схема пояснит эту связь.

Имя *Signorelli* разложилось при этом на две части. Последние два слога (-elli) воспроизведены в одном из подставных имен без изменений (*Botticelli*), первые же два подверглись переводу с итальянского языка на немецкий (*signor — Herr*), вступили в этом

виде в целый ряд сочетаний с тем словом, которое фигурировало в вытесненной теме (*Herr, Herzegowina*), и благодаря этому оказались также вытесненными из памяти. Замена их произошла так, как будто было сделано передвижение вдоль по словосочетанию «Герцеговина и Босния», причем передвижение это совершилось независимо от смысла этих слов и от звукового разграничения отдельных слогов. Отдельные части фразы механически рассекались подобно тому, как это делается при построении ребуса. Весь этот процесс, в результате которого имя *Синьорелли* заменилось двумя другими, протекал всецело вне сознания. За вычетом совпадений одних и тех же слогов (или, точнее, сочетаний букв) никакой иной связи, которая объединяла бы обе темы — вытесненную и следующую, — установить на первых порах не удалось.

Быть может, нелишне будет заметить, что приведенное выше объяснение не противоречит обычному у психологов взгляду на акт воспроизведения и позабывания как обусловленный известным соотношением и расположением психических элементов. Мы лишь присоединили к этим обычным, давно признанным, моментам для некоторых случаев еще один момент — *мотив*; и кроме того, выяснили механизм неправильно припоминания. Что же касается до того «расположения», о котором говорится обычно, то оно необходимо

и в нашем случае, ибо иначе вытесненный элемент вообще не мог бы вступить в ассоциативную связь с искомым именем и тем самым вовлечь его в круг вытесняемого. Быть может, если бы дело шло о каком-либо другом имени, более приспособленном для воспроизведения, это явление и не имело бы места. Ибо вполне вероятно, что подавленный элемент постоянно стремится каким-либо иным путем пробиться наружу, но удается это ему

« **Большинство людей в действительности не хотят свободы, потому что она предполагает ответственность, а ответственность большинство людей страшит** »

лишь там, где имеются соответствующие благоприятные условия. С другой стороны, подавление может произойти и без функционального расстройства или, как мы могли бы с полным правом сказать, без *симптомов*.

Сводя воедино все те условия, при которых забываются и неправильно воспроизводятся имена, мы получим: 1) определенное расположение, благоприятное для позабывания; 2) подавление, имевшее место недавно, и 3) возможность установить внешнюю ассоциативную связь между соответствующим именем и подавленным элементом. Впрочем, этому последнему условию вряд ли приходится приписывать особое значение, ибо требования, предъявляемые к ассоциативной связи, столь невелики, что установить ее можно в большинстве случаев. Другой вопрос — и вопрос более глубокий — это действительно ли достаточно одной внешней ассоциации для того, чтобы вытесненный элемент мог помешать воспроизведению искомого имени, и не требуется ли иной, более интимной связи между обеими темами. При поверхностном наблюдении это последнее требование кажется излишним, и простая смежность во времени, не предполагающая внутренней связи, представляется достаточной. Однако при более внимательном изучении все чаще оказывается, что связанные внешней ассоциацией элементы обладают кроме того некоторой связью и по своему содержанию,

и в нашем примере с именем *Синьорелли* также можно вскрыть подобную связь.

Ценность тех выводов, к которым мы пришли в результате нашего анализа, зависит, конечно, от того, является ли данный пример (*Синьорелли*) типичным или единичным. Я, со своей стороны, утверждаю, что процесс позабывания и неправильного воспроизведения имен совершается сплошь и рядом именно так, как в данном случае. Почти каждый раз, как мне случалось наблюдать это явление на себе самом, я имел возможность объяснить его именно указанным образом: как акт, мотивированный вытеснением. Должен указать и еще на одно соображение, подтверждающее типичный характер нашего наблюдения. Я думаю, что нет основания делать принципиальное различие между теми случаями позабывания, когда оно связано с неправильным воспроизведением имен, и простым позабыванием, не сопровождающимся подставными именами. В ряде случаев эти подставные имена всплывают самопроизвольно; в других случаях их можно вызвать напряжением внимания, и тогда они обнаруживают такую же связь с вытесненным элементом и искомым именем, как и при самопроизвольном появлении. Решающее значение в этом процессе всплывания имеют, по-видимому, два момента: напряжение внимания с одной стороны, а с другой — некоторое внутреннее условие, относящееся уже к свойствам самого психического материала (это, возможно, та степень легкости, с какой создается между обоими элементами необходимая внешняя ассоциация). Таким образом, немалое количество случаев простого позабывания без подставных имен можно отнести к тому же разряду, для которого типичен пример *Синьорелли*. Я не решусь утверждать, что к этому разряду могут быть отнесены *все* случаи забывания имен. Но думаю, что буду достаточно осторожен, если, резюмируя свои наблюдения, скажу: *наряду с обыкновенным забыванием собственных имен встречаются и случаи забывания мотивированного, причем мотивом служит вытеснение.*

II. Забывание иностранных слов

Слова, обычно употребляемые в нашем родном языке, по-видимому, защищены от забывания в условиях нормального функционирования памяти. Иначе, как известно, обстоит дело со словами иностранными. Предрасположение к их позабыванию существует в отношении всех частей речи, и первая ступень функционального расстройства сказывается в неравномерности нашей готовности использовать иностранные слова в зависимости от нашего общего состояния и от степени усталости. Позабывание это происходит в ряде случаев путем того же механизма, который был раскрыт нами в примере *Синьорелли*. Чтобы доказать это, я приведу анализ всего только одного, но имеющего ценные особенности случая, когда забыто было иностранное слово (не существительное) из латинской цитаты. Позволю себе изложить этот небольшой эпизод подробно и наглядно.

Прошлым летом я возобновил — опять-таки во время вакационного путешествия — знакомство с одним университетски образованным молодым человеком, который, как я вскоре заметил, читал некоторые мои психологические работы. В разговоре мы коснулись — не помню уже почему — социального положения той народности, к которой мы оба принадлежим, и он, как человек честолюбивый, стал жаловаться на то, что его поколение обречено, как он выразился, «на захирение», не может развивать своих талантов и удовлетворять свои потребности. Он закончил свою страстную речь известным стихом из *Виргилия*, в котором несчастная *Дидона* завещает грядущим поколениям отмщение *Энею*:

«*Exoriare...*» и так далее². Вернее, он *хотел* так закончить, ибо восстановить цитату ему не удалось, и он попытался замаскировать явный пропуск при помощи перестановки слов: «*Exoriar(e)... ex nostris ossibus ultor!*». В конце концов, он с досадой сказал мне: «Пожалуйста, не стройте такого насмешливого лица, словно бы вы наслаждались моим смущением; лучше помогите мне. В стихе чего-то не хватает. Как он собственно гласит в полном виде?» — «Охотно, — ответил я, и процитировал подлинный текст, — *Exoriar(e) aliquis nostris ex ossibus ultor!*» — «Как глупо позабыть такое слово! Впрочем, вы ведь утверждаете, что ниче́го не забывается без основания. В высшей степени интересно было бы знать, каким образом я умудрился забыть это неопределенное местоимение *aliquis*».

Я охотно принял вызов, надеясь получить новый вклад в свою коллекцию. «Сейчас мы это узнаем, — сказал я ему, — Я должен вас только просить сообщить мне *откровенно*, не *анализируя*, все, что вам придет в голову, как только вы без какого-либо определенного намерения сосредоточите свое внимание на позабытом слове³». — «Хорошо. Мне приходит в голову курьезная мысль расчлнить слово следующим образом: *a-* и *-liquis*». — «Зачем?» — «Не знаю». — «Что вам приходит дальше на ум?» — «Дальше идет так: *реликвии, ликвидация, жидкость, флюид...* Дознались вы уже до чего-нибудь?» — «Нет, далеко еще, продолжайте». — «Я думаю, — продолжал он с ироническим смехом, —

---

² «*Éxoriár(e) aliquis nostrís ex óssibus últor*» (Вергилий, «Энеида», лат.) — «Да возникнет из наших костей какой-нибудь мститель» — слова основательницы Карфагена Дидоны, покинутой античным героем Энеем — прародителем основателей Рима. По легенде, с этого проклятья Дидоны началась вражда Карфагена и Рима. — *Прим ред.*

³ Это обычный путь, чтобы довести до сознания скрытые от него элементы представлений. — *Прим. авт.*

о *Симоне Трентском*⁴, реликвии которого я видел два года тому назад в одной церкви в Тренте. Я думаю об обвинении в употреблении христианской крови, выдвигаемом как раз теперь против евреев, и о книге *Kleinpaul*'я, который во всех этих якобы жертвах видит новые воплощения, так сказать новые издания, Христа». — «Эта мысль не совсем чужда той теме, о которой мы с вами беседовали, когда вы позабыли латинское слово». — «Верно. Я думаю, далее, о статье в итальянском журнале, который я недавно читал. Помнится, она была озаглавлена „Что говорит *святой Августин* о женщинах?“ Что вы с этим сделаете?» — «Я жду». — «Ну, теперь идет нечто такое, что уже наверняка не имеет никакого отношения к нашей теме». — «Пожалуйста, воздержитесь от анализа». — «Да, я уже понял... Мне вспоминается чудесный старый господин, с которым я встретился в пути на прошлой неделе. Настоящий оригинал. Имеет вид большой хищной птицы. Его зовут, если хотите знать, *Бенедикт*». — «Получаем, по крайней мере, сопоставление святых и отцов церкви: святой Симон, святой Августин, святой Бенедикт. Одного из отцов церкви, кажется, звали *Оригин*. Три имени из перечисленных встречаются и в наше время, равно как и имя *Paul* (Павел) в имени *Kleinpaul*». — «Теперь мне вспоминается *святой Януарий* и его чудо с кровью; но мне кажется, что это идет дальше уже чисто механически!» — «Оставьте. И святой Януарий, и святой Августин имеют оба отношение к календарю. Не напомните ли вы мне, в чем состояло чудо с кровью святого Януария?» —

---

⁴ Симон Трентский — двухлетний мальчик из города Трент в Южном Тироле (ныне на территории Италии), в исчезновении и ритуальном убийстве которого в 1475 г. обвинили глав местной еврейской общины, после чего последовала кровавая расправа над евреями. В 1588 г. Симон был причислен к лику святых папой Сикстом V. В 1758 г. трентская еврейская община была реабилитирована, а в 1965 г. Католическая Церковь отменила и культ Симона Трентского. — *Прим. ред.*

«Вы, наверное, знаете это. В одной церкви в Неаполе хранится в склянке кровь святого Януария, которая в определенный праздник чудесным образом становится вновь *жидкой*. Народ чрезвычайно дорожит этим чудом и приходит в сильное возбуждение, если оно почему-либо медлит случиться, как это и было однажды во время французской оккупации⁵. Тогда командующий генерал — или, может быть, это был Гарибальди? — отвел в сторону священника и, весьма выразительным жестом указывая на выстроенных на улице солдат, сказал, что он *надеется*, что чудо вскоре совершится...» — «Ну, дальше? Почему вы запнулись?» — «Теперь мне действительно пришло нечто в голову... Но это слишком интимно для того, чтобы я мог рассказать... К тому же я не вижу никакой связи и никакой надобности рассказывать об этом». — «О связи уже я позабочусь. Я, конечно, не могу заставить вас рассказывать мне неприятные для вас вещи; но тогда уже и вы не требуйте от меня, чтобы я вам объяснил, каким образом, вы забыли слово *aliquis*». — «В самом деле? Вы так думаете? Ну так я внезапно подумал об одной даме, от которой я могу получить известие, очень неприятное для нас обоих». — «О том, что у нее не наступило месячное нездоровье?» — «Как вы могли это отгадать?» — «Теперь это уже не трудно, вы меня достаточно подготовили. Подумайте только о календарных святых, о переходе крови в жидкое состояние в определенный день, о возмущении, которое вспыхивает, если событие не происходит, и недвусмысленной угрозе, что чудо должно совершиться, не то... Вы сделали из чуда святого Януария прекрасный намек на нездоровье вашей знакомой». — «Сам того не зная. И вы в самом деле думаете, что из-за этого тревож-

---

⁵ Описывается случай при захвате Неаполя французами под командованием генерала Жана Шампюне (1762—1800). Генерал потребовал внеочередного чуда и, разумеется, получил его. — *Прим. ред.*

ного ожидания я был не в состоянии воспроизвести словечко *aliquis*?» — «Мне представляется это совершенно несомненным. вспомните только ваше расчленение *a-liquis*⁶ и дальнейшие ассоциации: реликвии, ликвидации, жидкость... Я мог бы еще включить в комбинацию принесенного в жертву еще *ребенком* святого Симона, о котором вы подумали в связи со словом *реликвии*». — «Нет, уже не надо. Я надеюсь, что вы не примите всерьез этих мыслей, если даже они и появились у меня действительно. Зато я должен вам признаться, что дама, о которой идет речь, — итальянка, и что это в её обществе я посетил Неаполь. Но разве все это не может быть чистой случайностью?» — «Можно ли это объяснить случайностью, — я предоставлю судить вам самому. Должен только сказать, что всякий аналогичный случай, подвергнутый анализу, приведет вас к столь же замечательным „случайностям“».

Целый ряд причин заставляет меня высоко ценить этот маленький анализ, за который я должен быть благодарен моему тогдашнему спутнику. Во-первых, я имел возможность в данном случае пользоваться таким источником, к которому обычно не имею доступа. По большей части мне приходится добывать примеры нарушения психических функций в обыденной жизни путем наблюдения за самим собой. Несравненно более богатый материал, доставляемый мне многими нервными больными пациентами, я стараюсь оставлять в стороне во избежание возражений, что данные феномены происходят в результате невроза и являются его проявлениями. Вот почему для моих целей особенно ценны те случаи, когда неврологически здоровый чужой человек соглашается быть объектом исследования. Приведенный анализ имеет

---

⁶ *Aliquis* (лат.) — *a-* — отрицание; *liquid* — жидкость, жидкий. Таким образом, *a-liquis* ассоциируется с отсутствием жидкости. — *Прим. ред.*

для меня еще и другое значение: он освещает случай забвения, не сопровождающегося появлением подставных слов, и подтверждает установленный мной выше тезис, что факт появления или отсутствие подставных слов не может обуславливать существенного различия⁷.

Но главная ценность примера *aliquis* заключается в другой особенности, отличающей его от случая *Синьорелли*. В последнем примере воспроизведение

---

⁷ Более тщательное наблюдение несколько суживает различие между случаями *Signorelli* и *aliquis*, поскольку дело касается подставных воспоминаний. По-видимому, и во втором примере забвение также сопровождалось некоторым процессом замещения. Когда я впоследствии спросил своего собеседника, не пришло ли ему в голову, в то время как он силился вспомнить недостающее слово, что-либо другое ему на замену, он сообщил мне, что сперва испытывал поползновение вставить в стих слово *ab*: «*nostris ab ossibus*» (быть может, это оставшаяся свободной часть *a-liquis*), а затем — что ему особенно отчетливо и настойчиво навязывалось слово *exviare*. Оставаясь скептиком, он добавил: «Это объясняется, очевидно, тем, что это было первое слово стиха». Когда я попросил его обратить внимание на слова, ассоциирующиеся у него с *exoriare*, он назвал экзорцизм, изгнание дьявола. Легко себе представить, что усиление слова *exoriare* при репродукции и было в сущности равносильно образованию подставного слова. Оно могло исходить от имени святых через ассоциацию «экзорцизм». Впрочем, это тонкости, которым нет надобности придавать значения. Но весьма возможно, что всплывание того или иного подставного воспоминания служит постоянным, а может быть просто характерным, но ненадежным, признаком того, что данное позабывание тенденциозно и мотивируется вытеснением. Процесс образования подставных имен мог бы иметь место даже и в тех случаях, когда всплывание неверных имен и не совершается, и сказывался бы тогда в усилении какого-либо элемента, смежного с позабытым. Так в примере *Signorelli* у меня все то время, что я не мог вспомнить его фамилии, было необычайно ярко зрительное воспоминание о цикле фресок и о помещенном в углу одной из картин портрете художника, — во всяком случае оно было у меня гораздо интенсивнее, чем у меня бывают обычно зрительные воспоминания. В другом случае, также сообщенном в моей статье 1898 года, я безнадежно позабыл название одной улицы в чужом городе, на которую мне предстояло пойти с неприятным визитом; но номер дома запомнился мне с необычайной яркостью, в то время как обыкновенно я запоминаю числа с величайшим трудом. — *Прим. авт.*

имени было нарушено воздействием некоего хода мыслей, незадолго до того начавшегося и оборванного, но по своему содержанию не стоявшего ни в какой заметной связи с новой темой, заключающей в себе имя *Синьорелли*. Между вытесненным элементом и темой забытого имени существовала лишь смежность по времени, но ее было достаточно для того, чтобы оба эти элемента связались один с другим путем внешней ассоциации⁸. Напротив, в примере *aliquis* нет и следа подобной независимой, вытесненной, темы, которая занимала бы непосредственно перед этим сознательное мышление и затем продолжала бы оказывать свое действие в качестве расстраивающего фактора. Расстройство репродукции⁹ исходит здесь изнутри самой темы в силу того, что против выраженного в цитате из Вергилия пожелания бессознательно заявляется протест. Процесс этот следует представить себе в следующем виде. Говоривший выразил сожаление по поводу того, что нынешнее поколение его народа ограничено в нравах; новое поколение, — предсказывает он вслед за Дидоной, — отомстит притеснителям. Он высказывает таким образом пожелание о потомстве. В этот момент сюда врезается противоречащая этому мысль: «Действительно ли ты так горячо желаешь себе потомства? Это неправда. В каком затруднительном положении ты бы оказался, если бы получил теперь известие, что ты должен ожидать потомства от известной тебе женщины? Нет, не надо потомства, — как ни нужно оно нам для отмщения». Этот протест производит свое действие тем же путем, что и в примере

---

⁸ Я не решился бы с полной уверенностью утверждать об отсутствии всякой внутренней связи между обоими кругами мыслей в примере *Синьорелли*. При тщательном рассмотрении вытесненных мыслей на тему «смерть и сексуальность» все же наталкиваешься на идею, близко соприкасающуюся с темой фресок в Орвието. — *Прим. авт.*

⁹ Репродукция — воспроизведение. Здесь: восстановление событий в памяти. — *Прим. ред.*

Синьорелли: образуется внешняя ассоциация между одним каким-либо из числа заключающихся в нем представлений и каким-нибудь элементом опротестованного пожелания; притом на сей раз ассоциация устанавливается обходным путем, имеющим вид в высшей степени искусственный. Второй существенный пункт схождения с примером *Синьорелли* заключается в том, что протест берет свое начало в вытесненных элементах и исходит от мыслей, которые могли бы отвлечь внимание.

« В действительности искусственное словосочетание „комплекс неполноценности“ в психоанализе почти не употребляется »

На этом мы покончим с различиями и внутренним сходством обоих примеров забывания имен. Мы познакомились еще с одним механизмом забывания — нарушением хода мысли силою внутреннего протеста, исходящего от чего-либо вытесненного. С этим процессом, который представляется нам более удобопомытным, мы еще неоднократно встретимся в дальнейшем изложении.

III. Забывание имен и словосочетаний

Всвязи с тем, что мы сообщили выше о процессе позабывания отдельных частей той или иной комбинации иностранных слов, может возникнуть вопрос, нуждается ли позабывание словосочетаний на родном языке в существенно ином объяснении. Правда, мы обычно не удивляемся, когда заученная наизусть формула или стихотворение спустя некоторое время воспроизводится неточно, с изменениями и пропусками. Но так как позабывание это затрагивает неравномерно заученные в общей связи вещи и, опять-таки, как бы выламывает из них отдельные куски, то не мешает подвергнуть анализу отдельные случаи подобного рода ошибочного воспроизведения.

Один молодой коллега в разговоре со мной высказал предположение, что забывание стихотворений, написанных на родном языке, быть может, мотивируется так же, как и забывание отдельных элементов иностранного словосочетания, и предложил себя в качестве объекта исследования. Я спросил его, на каком стихотворении он хотел бы произвести опыт, и он выбрал «Коринфскую невесту¹⁰» — стихотворение, которое он очень любит и из которого помнит наизусть по меньшей мере целые строфы. С самого же начала у него обнаружилась странная неуверенность. «Как оно начинается: *Von Korinthus nach Athen gezogen*, —

---

¹⁰ «Die Braut von Korinth» — стихотворение Гёте (1798). Далее об-
суждается строфа (пер. А. К. Толстого):

Но какой для доброго приема
От него потребуют цены?
Он — дитя языческого дома,
А они — недавно крещены!
— Прим. ред.

спросил он, — или *Nach Korinthus Von Athen gezogen?*»¹¹
Я тоже на минуту заколебался было, но затем заметил со смехом, что уже самое заглавие стихотворения «Коринфская невеста» не оставляет сомнения в том, куда лежит путь юноши. Воспроизведение первой строфы прошло затем гладко, или по крайней мере без заметного искажения. После первой строки второй строфы мой коллега на минуту запнулся; вслед затем он продолжал так:

Aber wird er auch willkommen scheinen,
Jetzt, wo jeder Tag was Neues bringt?
Denn er ist noch Heide mit den Seinen
Und sie sind Christen und — **getauft**¹².

Мне уже раньше что-то резануло ухо; по окончании же последней строки мы оба были согласны, что где-то произошло искажение. И так как нам не удавалось его исправить, то мы отправились в библиотеку, взяли стихотворение Гёте¹³ и к нашему удивлению нашли, что вторая строка этой строфы имеет совершенно иное содержание, которое было как бы выкинуто из памяти моего коллеги и заменено другим, по-видимому совершенно посторонним. У Гёте стих гласит:

Aber wird er auch willkommen scheinen
Wenn er teuer nicht die Gunst **erkauft**?¹⁴

Слово *erkauft* рифмовало с *getauft*, и мне показалось странным, что следующее далее сочетание слов

---

¹¹ Придя из Коринфа в Афины или Придя в Коринф из Афин. — Прим. пер.

¹² Не будет ли он желанным гостем теперь,
Когда каждый день приносит что-либо новое?
Ибо он — язычник со своими родными,
А они — христиане и **крещены**.
— Прим. пер.

¹³ Иоганн Вольфганг фон Гёте (1749—1832) — немецкий поэт, государственный деятель, мыслитель и естествоиспытатель.
— Прим. ред.

¹⁴ Не будет ли он желанным гостем,
Если не **купит** милости дорогой ценой?
— Прим. пер.

«язычник», «христиане» и «крещен» так мало помогло восстановлению текста.

— Можете вы себе объяснить, — спросил я коллегу, — каким образом в этом столь хорошо, по-вашему, знакомом вам стихотворении, вы так решительно вытравили эту строку? И нет ли у вас каких-либо догадок насчет той комбинации, из которой возникла заместившая эту строку фраза?

« Я не ученый, не наблюдатель, не экспериментатор, не мыслитель. По темпераменту я не кто иной, как конкистадор — искатель приключений »

Оказалось, что он может дать мне объяснение, хотя и сделал он это с явной неохотой: — Строка *Jetzt, wo jeder Tag was Neues bringt* представляется мне знакомой. По всей вероятности, я употребил ее недавно, говоря о моей прак-

тике, которая, как вам известно, все улучшается, чем я очень доволен. Но каким образом попала эта фраза сюда? Мне кажется, я могу найти связь. Строка *Wenn er teuer nicht die Gunst erkaufte* мне была явно неприятна. Она находится в связи со сватовством, в котором я в первый раз потерпел неудачу и которое теперь, ввиду улучшившегося материального положения, я хочу возобновить. Больше я вам не могу сказать, но ясно, что если я теперь получу утвердительный ответ, мне не может быть приятно мысль о том, что теперь, как и тогда, решающую роль сыграл меркантильный расчет.

Это было для меня достаточно ясно даже и без ближайшего знакомства с обстоятельствами дела. Но я поставил следующий вопрос:

— Каким образом вообще случилось, что вы связали ваши частные дела с текстом «Коринфской невесты»? Быть может, в вашем случае тоже имеются различия религиозного характера, как и в этом стихотворении?

Где за веру спор,

Там, как ветром сор,

И любовь, и дружба сметены.

Я не угадал, но интересно было видеть, как удачно поставленный вопрос сразу раскрыл глаза моему собеседнику и дал ему возможность сообщить мне в ответ такую вещь, которая до того времени, наверное, не приходила ему в голову. Он бросил на меня взгляд, из которого видно было, что его что-то мучит и что он недоволен, и пробормотал продолжение стихотворения:

Sieh' sie an genau!

Morgen **ist sie** grau.¹⁵

— «Взгляни на нее! Завтра она будет седой», — и добавил лаконически. — Она несколько старше меня.

Чтобы не мучить его дольше, я прекратил расспросы. Объяснение казалось мне достаточным. Но удивительно, что попытка вскрыть основу ошибки памяти должна была затронуть столь отдаленные, интимные и связанные с мучительным аффектом¹⁶ обстоятельства.

Другой пример забывания части известного стихотворения я заимствую К. Г. Юнга¹⁷ и излагаю его словами автора:

---

¹⁵ Впрочем, здесь мой коллега несколько видоизменил это прекрасное стихотворение и по содержанию, и по смыслу. У Гёте девушка-привидение говорит своему жениху:

Schöner Jüngling! kannst nicht länger leben;

Du versiechest nun an diesem Ort.

Meine Kette hab' ich dir gegeben;

Deine Locke nehm' ich mit mir fort.

Sieh sie an genau!

Morgen **bist du** grau,

Und nur braun erscheinst du wieder dort.

Милый гость, вдали родного края

Осужден ты чахнуть и завять,

Цепь мою тебе передала я,

Но волос твоих беру я прядь.

Ты их видишь цвет?

Завтра будешь сед,

Русым там лишь явишься опять!

— *Прим. пер.*

¹⁶ Аффект — сильное эмоциональное переживание. — *Прим. ред.*

¹⁷ Карл Густав Юнг (1875—1961) — швейцарский психиатр, основоположник аналитической психологии, автор концепций коллективного бессознательного и психотипов. — *Прим. ред.*